

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АГАФИЙ. О ЦАРСТВОВАНИИ ЮСТИНИАНА

Перевод, статья и примечания доктора исторических наук М. В. Левченко.
Издательство АН СССР, М.—Л., 1953.

Давно ощущалась необходимость в переводе исторического труда Агафия. В этом труде имеются самые ценные сведения по истории Грузии VI в., много данных по истории Персии IV—VI вв., Италии во время войн VI в., в нем дана яркая характеристика господствующего класса великодержавной юстиниановской Византии. Агафий останавливался главным образом на внешней политике Юстиниана, оправдывая его завоевательные войны.

В своей статье „Агафий и его мировоззрение“ М. В. Левченко рисует Агафия как выразителя настроений византийской аристократии, убежденного сторонника идей мирового господства Римской империи. М. В. Левченко отмечает, что Агафий признавал слабость и неустойчивость Византии, но что он был далек от требований социальных преобразований. Агафий чувствовал силу народных волнений, растерянность „верхов“, но тем не менее стоял за сильную центральную власть императора. Такая позиция господствующего класса Византии заставляет нас усомниться, можно ли, как это делает в начале статьи М. В. Левченко, механически использовать применительно к Византии высказывания И. В. Сталина о монархии Карла Великого. Господствующий класс в монархии Карла Великого не был заинтересован в сохранении единства империи, являлся носителем децентрализаторских тенденций, тогда как в Византии (как это утверждает и сам М. В. Левченко, стр. 171) господствующий класс был заинтересован в единстве империи и экономически („крупные землевладельцы были втянуты в торговый оборот“, стр. 170) и политически (страх перед народными восстаниями). В результате монархия Карла Великого распалась без какого бы то ни было существенного давления извне, а Византия, хотя и в сокращенных границах, сохранилась, несмотря на исключительное по силе внешнее давление со всех сторон.

М. В. Левченко систематизировал имеющиеся данные о жизни Агафия. Убедителен вывод о времени его смерти (582 г.). Можно было бы отметить, что Агафий по своему происхождению принадлежал к той же прослойке городской рабовладельческой знати, к которой относились и Либаний и Синезий, чьи воззрения так хорошо показал М. В. Левченко в своем исследовании о Синезии¹. Отец Агафия, видимо, был декурионом города Мирины и, как нужно полагать, разорился при выполнении им дорогостоящей литургии. Обедневший Агафий вынужден был стать юристом, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

¹ М. В. Левченко. Синезий в Константинополе и его речь „О царстве“. „УЗ ЛГУ“, № 130, вып. 18, Л., 1951.

М. В. Левченко считает Агафия „кабинетным работником“, не имевшим таких знаний о действительности, как Прокопий. Это неверно. Агафий принимал жалобы обиженных, он знал о страданиях и лишениях, являвшихся результатом насилий со стороны чиновников, сборщиков податей и т. д. Это получило отражение и в его труде. Как остро он описывает махинации Иоанна Африканца, главнокомандующего византийскими войсками в Грузии, спекулировавшего под покровительством Юстина (IV, § 22). Агафий считал, что последующие несчастья Юстина были наказанием за допущенные насилия и ограбления „меньших“ людей. Очевидно, в своей юридической практике Агафий встречал много таких дел. Обвинения, выдвигаемые Агафием, переключаются с резкими, обличительными высказываниями на страницах сочинений Либания и Прокопия. Вряд ли можно согласиться с мнением М. В. Левченко о том, что Агафий „умалчивал о неудобных фактах“ (стр. 191). Если Агафий не обвиняет Нарзеса в грабежах, то, нужно думать, потому, что умудренный горьким опытом Велизария Нарзес вел более гибкую политику по отношению к итальянскому населению. Именно такую гибкую политику Нарзеса прославлял Агафий, — поэтому Нарзес и является героем его повествования. Говоря о недостатках Византийского государства, Агафий даже склонен был идеализировать порядки у франков. М. В. Левченко считает, что сведения Агафия о франкском обществе очень ценны. „Агафий является одним из немногих византийских авторов, близких к пониманию того, в чем заключались сила и преимущества молодых варварских государств перед Византией...“ (стр. 198). Сомнительно, однако, чтобы Агафий сколько-нибудь приближался к пониманию действительных преимуществ молодых „варварских“ государств. Те преимущества, о которых говорит Агафий, совершенно фантастичны. Агафий поражался „справедливому отношению друг к другу у франков“, их согласию, блажелательности и доступности их вождей (I, § 2). Разумеется, эти сведения ничего общего с действительностью не имеют. Легко вообразить, как удивился бы Григорий Турский, прочитав у Агафия об отсутствии у франков междоусобных войн. Еще удивительнее идеализация франкских вождей. Все „подвиги“ византийских чиновников, описанные Прокопием, бледнеют перед бесхитростными рассказами Григория Турского о звериной жестокости и алчности франкских графов и епископов. Можно сказать, что Агафий так же идеализировал франкские порядки, как наивные афинские философы идеализировали персидские, о чем с такой иронией пишет Агафий (II, § 30).

Переходя к мировоззрению Агафия, М. В. Левченко правильно отмечает его критическое отношение к христианству — факт, тем более любопытный, что сам Агафий несомненно был христианином. Несмотря на это, он иронически относится к богословским спорам, считает ненужными преследования еретиков. М. В. Левченко правильно указывает на расплывчатость представления Агафия о божестве (вмещает слова „бог“ Агафий постоянно употребляет в среднем роде: „лучшее“, „благое“). Представления о необходимости и о возмездии сочетаются у Агафия с утверждениями о свободе выбора у людей и с преувеличением роли личности. Обо всем этом убедительно говорится в статье М. В. Левченко.

В заключение М. В. Левченко подробно характеризует Агафия как историка. Вряд ли, однако, следует придавать особенное значение тому, что история, по Агафию, „есть тоже дело красноречия“. В античном мире требовалось, чтобы история была написана блестящим слогом, и это требование может быть предъявлено любому историку любого времени. Изящный слог, эмоциональность изложения, целевая уста-

новка — дать читателям возможность извлекать уроки истории — все это ни в коем случае не снижает научной ценности исторического труда. М. В. Левченко, по нашему мнению, не вполне достаточно отметил, насколько высоко оценивал Агафий значение истории. Он называл историю не наставницей жизни (*magistra vitae*), а сильнее — „повелительницей жизни“ (*οἷα τις δέσποινη*) (стр. 5, 13).

Можно полагать, что Агафий имел некоторое представление об исторической необходимости, но совершенно не понимал экономических законов. Агафий идеалистически мыслил себе историческую закономерность как необходимое торжество справедливости (особенно в результате несправедливых войн), как воздаяние за проступки.

М. В. Левченко правильно отмечает презрительное отношение Агафия к народным массам. Интересно было бы также отметить, что Агафий нигде не говорит о присоединении народных масс в Византии к наступающим варварам. Наоборот, он описывает, как подгородные крестьяне, разоренные варварами, помогли Велизарияу отбить тех от столицы. Это вполне понятно: Агафий мог знать настроения только тех крестьян, которые жили поблизости к большим городам. Поскольку хозяйство таких крестьян было в известной мере связано с товарным, естественно, сами они стояли за сохранение сильной империи. О провинциальном, закрепощенном крестьянстве и о рабах у Агафия почти нигде не упоминается. Это несколько снижает значение исторического труда Агафия, который видел причину упадка византийского могущества в уменьшении численности армии, в придворных интригах и алчности некоторых чиновников, а главное, в том, что Юстиниан в старости уже потерял способность управлять империей.

Статья М. В. Левченко, характеризующая Агафия как историка и дающая анализ его труда, представляет собой важный вклад в советскую историческую науку. Труд Агафия переведен М. В. Левченко с исключительной тщательностью. Это — первый перевод Агафия на русский язык. Слог Агафия, изобилующий стилистическими украшениями речи, подчас труден для перевода. Однако М. В. Левченко хорошо справился со своей задачей.

Можно указать лишь на отдельные погрешности в переводе. На стр. 7 неточно переведено — „история не может быть расценена ниже философии“; в переводе не передано выражение *φιλοσοφία τῆς πολιτικῆς*, что оттеняет положение о гражданской философии — в противовес прославляемой богословской философии. Неточен перевод: „история... как некий непоколебимый и неподкупный учитель...“ В тексте читаем „ἀσπτερός δέσποινη καὶ ἀδάπτουτος“, т. е. не учитель, а повелительница, что придает мысли иной оттенок — признания существования некоторой исторической неизбежности. Мысль Агафия: история, как совокупность примеров из прошлого, незаметно для человека влияет на его душу и тем определяет свободный выбор в его действиях. На стр. 10 перевод слова *κατολιγορούσιν* „презирают“ неточно передает оттенок мысли Агафия; лучше — „считают их дела настолько малозначащими, что совсем не упоминают о них“.

На стр. 11 неточно переведено — „мятеж... поразил общество...“. У Агафия оттенок иной: „мятеж сильно повредил обществу“; слово „поразил“ можно понимать как удивление, но у Агафия этого оттенка нет. Там же: „Рим и Италия... снова украсились отечественными законами и обычаями“. Слова „законами“ в греческом тексте нет. Слова *πατρίους ἥθεσι* лучше перевести дословно, т. е. „обычаи отцов“ и это лучше выражает реакционный смысл завоевания Италии. На стр. 12: „противный разуму

рок“ — такой мысли у Агафия нет. Слова *τινας παραλόγους ἀνάγκας* говорят о том, что многие выдумывали нелепые закономерности, „необходимости“, т. е. объясняли исторические события, в частности происхождение войн, нелепыми причинами, против которых восставал Агафий. На стр. 13: „вполне христианская вера“ — неудачное выражение мысли Агафия. Τῆ ὀρθότητι χρώμενοι δόξῃ лучше перевести просто: исповедуют православную веру. На стр. 17: Теодорих завоевал Италию с согласия Зенона. У Агафия оттенок иной: ἐπιτρέψαντος, т. е. по поручению Зенона. На стр. 19: во время прядения шерсти ἄδοιμένων μυθολογημάτων не рассказывались, а пелись. На стр. 19 выражение τῶν δὲ οὐχὶ τοιῶνδε...¹ не переведено вовсе, поэтому не передана градация Агафия, который различал три вида деяний: полезные, бесполезные и вредные — и потому употребляет глаголы: „ἐν ἐπαίῳ ποιεῖσθαι, κατηγορεῖν, διελέγειν“. На стр. 26: слово: μετρίως переведено неудачно, в результате чего смысл предложения неясен. Μετρίως не в смысле „умеренно“, а в смысле „в должной мере“, т. е. после победы враги в должной мере еще не использовали свою неожиданную победу². На стр. 64: неточно переведено слово *αταραξία* „положение“. На стр. 65: „является ли все существующее вечным“ не передает мысли спора; ἀτελεύτητον лучше перевести по точному смыслу — „не имеющий конца“, тогда как слово „вечный“ можно понимать как не имеющий начала, что в споре не утверждалось. Неточна фраза на стр. 80: „не забываясь, во что обойдется это предприятие“. Смысл перевода: сколько средств придется затратить на это предприятие, тогда как ἐκβήσεται означает здесь: „какой исход будет иметь это предприятие“. В переводе везде употребляется слово „бог“ (так и в латинском переводе). На самом деле Агафий нигде не употребляет этого слова: он говорит о начале управляющем, благом, лучшим и т. д. — τὸ δὲ ζυνέχον ἡμᾶς, τὸ διατάττον, τὸ κρείττον ἡμῖν. На стр. 130: выражение „Иовиан продал и передал“. В тексте слова продал нет, лучше перевести „предательски передал персам“.

В переводе недостаточно соблюдается точность терминологии, что может вызвать некоторые ошибочные толкования при цитировании перевода. Слово *μεταπύργια* на стр. 20 переводится „между башнями“ (правильно, так по Витрувию), на стр. 29 — „брустверами“, а на стр. 21 „брустверами“ переводится другое слово — *προμαχεῖνες* — и это правильный перевод. По-разному переводится слово *θητικόν*. На стр. 41 оно переводится словами „домашние рабы“, на стр. 87 — „домашняя прислуга“, на стр. 125 — „слуги“³. Βασιλείου στοάς на стр. 64 переводится — „у портика дворца“, а на стр. 69 — „лица гражданского сословия“, на стр. 45 — „граждане“, на стр. 162 — „житель города“. На стр. 139: „плебеи оказались в равном положении с архонтами“. Так сказано в латинском переводе, а в греческом тексте мы читаем: οἱ ἕλαττονας, т. е. „простые люди становились в равное положение с людьми, имеющими власть“ (τοὺς ἐν τέλει)⁴. Там же, где в тексте действительно имеется слово „архонт“, в переводе значит „начальник“. На стр. 30: „те, которые входили в состав его официия“. По существу это правильно, но в тексте термина „официй“ нет, а есть просто ὑπηρεταί, т. е. „служащие“. Ἐπιχωριοί неловко названо „домашние копы“, лучше сказать — туземные копы. На стр. 81: „свойственно толпе стремиться к новизне“ — слово νεωτερισμός безусловно означает „стремление к новому“, но у историков это слово

¹ Agathii Historia. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae, 1828, p. 29. 13.

² Ibid, p. 46. 10.

³ Ibid, p. 80. 5; 175. 1; 252. 14.

⁴ Ibid., p. 288. 18.

употребляется в значении мятежа, восстания. По Агафию, народным массам (τοῖς πληθεσι) свойственна склонность к восстаниям и переворотам. Это важное замечание о настроении народных масс того времени. На стр. 20 слово φρουρίῳ переведено — „стены“, а слово ἐπέλξεισι — „укрепления“, — нужно наоборот. Неловко употребляется слово Венеция. Читатель может подумать, что речь идет о городе Венеции, тогда как везде говорится о стране Венеции (между Вероной и Тарентом): лучше было бы сказать „страна венециев“.

В переводе встречаются некоторые неясности. На стр. 18 трудно понять, что означает: „они полагали, что нужно отовсюду стягивать силы и освобождать подданных, которые казались излишними и не доставляли больших выгод...“. Следует понимать: они старались освободить от своей власти тех подданных, которые не могли быть использованы в войне и власть над которыми не соответствовала существовавшим в то время обстоятельствам. На той же стр. 18: χθονίων φασμάτων не следует переводить „из земных привидений все кровожадное“. Слово φάσμα, так же как и φαντασία, у Агафия употребляется в смысле „фантазия“, „верование“ (так и в эпиграмме 86). Неясно на стр. 142 определена специальность Анфимия. Очевидно, здесь говорится об изготовлении чертежей и моделей механизмов, построек.

В переводе так строго соблюдается греческий синтаксис, что иногда неясно, о чем собственно идет речь. На стр. 134: „благодаря поддержке его Вериной был лишен власти Зенон“. Грамматически нужно понимать, что Верина поддерживала Зенона, между тем как Верина поддерживала заговорщиков. То же на стр. 124, — неясно: „Назначил на его место Юстина, сына Германа, который начальствовал“. Можно подумать, что начальствовал Герман. Слово „с абсолютной властью“ не следует употреблять для обозначения прав главнокомандующего армией.

В переводе слишком много причастных оборотов, что делает перевод Агафия несколько тяжеловесным. Причастные обороты, столь свойственные греческому языку, несвойственны русскому; поэтому их следовало бы по возможности избегать.

Кое-где есть пропуски в переводе. На стр. 18 не переведены вовсе слова καὶ πλείστῃς μεταλαγχάνειν..., на стр. 20 — πέλεκεις, на стр. 90 — ἕως δὲ σκότος ἦν. На стр. 130 опечатка, которая может быть обнаружена только при сличении с греческим текстом: написано — на втором году царствования, в греческом тексте — на двадцать четвертом году¹.

К переводу приложены комментарии, кое-где параллельные тексты, но в недостаточном количестве. Комментарии следовало бы в значительной степени расширить. Приложена карта Италии и Грузии. Имеется указатель имен, книга хорошо оформлена и с внешней стороны.

Можно сказать, что покойный М. В. Левченко проделал большой труд, очень полезный для историков как Византии, так и стран Кавказа, издав перевод Агафия, в основном точный и вполне пригодный для использования специалистами. Не подлежит сомнению, что и для студентов труд Агафия представит ценное пособие как при изучении истории внешней политики Византии и стран Ближнего Востока, так и — истории византийской культуры.

М. Я. Сюзюмов

¹ Ibid, p. 262. 21.